

ВЕЛИКИЙ ПИКУЛЬ

30 ЛЕТ НАЗАД НЕ СТАЛО АВТОРА «МООНЗУНДА»

Прошло ровно три десятилетия, как нет с нами Валентина Пикюля. Хотя вспоминаем мы его не из-за крупных дат. Это — лишь повод поговорить об этом человеке, об этом писателе чуть подробнее.

Он родился в 1928 году. К началу войны мальчишке 13 лет. Первую зиму пережил с матерью в блокадном Ленинграде. Потом учился в школе юнг и в 1943-м попал всё-таки на фронт. На Северный флот. Юнгой на минный тральщик.

Валентин Пикюль написал много. Есть даже 28-томные собрания сочинений! Именно собрания! Потому что изданий было четыре.

История — вот что было интересно писателю. Он написал около 30 романов и повестей, среди которых "Рекеюем каравану PQ-17" (1970), "Моонзунд" (1970), "Пером и шпагой" (1972), "Слово и дело" (1974–1975), "Битва железных канцлеров" (1977), "Божатство" (1977), "Фаворит" (1984), "Крейсера" (1985)...

Его читала вся страна. Книги Пикюля и сейчас трудно купить, а раньше это было сделать почти невозможно.

Как невозможно и нравиться всем. Многие критиковали его, но по сравнению с миллионом тех, кто зачитывался его книгами, — их просто нет, этих критиков.

А книги продолжают читать. И это — хорошие книги. Улекательные, настоящие. Их написал человек, который любил. Любил жизнь, любил свою страну. Это — главное. Если и были какие-то недостатки, что из того? Кто без них? Результат — вот главное.

Обыняком в творчестве Валентина Пикюля стоят "Исторические миниатюры". Их — полторы сотни. Сочные, яркие. В основном посвящены истории России. До сих пор перечитываешь и удивляешься!

Я прочёл все эти миниатюры. Даже нашёл те, которые не вошли в 6-томное собрание.

Захотелось их озвучить, прочитать вслух. Пришлось поехать в Ригу. Мы встретились с Антониной Ильиничной Пикюль, вдовой писателя, сначала на кухне. Говорили, пили чай. Но какая-то неизвестная сила влекла меня в сторону. В его кабинет. Хотя и кабинетом-то это назвать сложно. Похоже то ли на библиотеку, то

ли на музей. Книги, книги, книги... От пола до потолка по всем стенам. Странно, что окно осталось незаставленным. И возле окна — картотека. Более ста тысяч персонажей истории. Притрагиваться к карточкам было страшно, словно ты запускал пальцы в неприкосновенную память, в то, что руками трогать нельзя.

А в соседней комнате — ещё одна картотека. И шкафы, шкафы... Антонина Ильинична объяснила, что это — изображения. Репродукции картин, гравюр, фотографии — всего, на чём можно увидеть тех, кто живёт в картотеке в соседней комнате. Пикюль даже говорил, что не может писать, пока не посмотрит в глаза своему герою.

До сих пор не понимаю, как я смог убедить вдову дать мне разрешение на редактирование "Исторических миниатюр". Работа эта была сделана, а потом все они были озвучены. И сейчас звучат в эфире...

Егор СЕРОВ, главный редактор радио "Книга"

СЕКРЕТ ВЕРОНИКИ

На пороге 40-летия она стала женой буянливого начинающего литератора.

Кстати, после этого — скандального — шага другая, зрелая и земная, женщина, писательница Вера Панова, вместо поздравления бросила ей:

— Вы, Вероника, смелая женщина...

Многие уже подступались к секрету Вероники. Один пишет, что она очаровала Валентина Пикюля игрой на рояле (вранье, у них и инструмента в доме не было); другой приписывает ей бурную издательскую деятельность во славу Пикюля. Увы, хуже не придумаешь, лучше бы вовсе не занималась. Достаточно сказать, что популярный ныне у читателей "Моонзунд" провалился у редакторов "Лениздата" Л. Плотниковой в столе почти 10 лет, а издательница-жена даже не вспомнила. Если бы инициативу не проявил "Советский писатель", книга так и пылилась бы в чужом кабинете.

Иногда говорят о каких-то сделанных ею переломах. Возможно. Но я никогда не видел их следов. И не слышал об этом от Валентина Саввича.

Впрочем, может, его вовсе нет, секрета Вероники?

Есть, в том и дело. Оно очевидно, он присутствует в книгах Валентина Пикюля, при ней написанных.

Впрочем, главный во всей этой истории человек — сам Валентин Саввич. Он хорошо понимал эффект Вероники, её роль и значение в своей судьбе; очень дорожил этим, и кроме того, по-настоящему ценил, боготворил и страстно любил своего жёнушку.

Но всё-таки, что же она делала? — ещё раз спросите вы.

Очень много курила, много пила кофе и взахлёб читала — практически всё, что попадалось ей на глаза...

И только-то?!

Нет, конечно. Ещё она — страстно любила Валентина Пикюля и отдала ему свою жизнь, всю, без остатка.

Теперь вы согласны, что об этой женщине стоит вспомнить и рассказать более подробно?

Всё-таки сейчас я рассказываю о Веронике. Жили Вероника и Валентин хоть и замкнуто, но насыщенно, дружно и весело. Спасала общая цель и напряжённая работа.

Валентин Саввич по натуре был человеком открытым и удивительно добродушным, приветливым, расположенным к гостю, собеседнику. И уж если он любил, то — любил. Я это видел по его отношению к Веронике, Антонине Ильиничне, даже к Гришке, безродной дворняге, и через какое-то время ощутил на себе.

Самое поверхностное общение с хозяйками дома убеждало — здесь царят любовь и гармония. И конечно, Вероника получила с ним интересную, насыщенную жизнь и полноту счастья, которую даёт жизнь с обожаемым и любящим человеком.

У неё был муж, который её боготворил и который ею гордился, муж молодой, талантливый, необыкновенный. Подобного на свете не было и быть не могло! Она это хорошо знала.

И всё же не раз и не два я слышал от них в разных интерпретациях и обстоятельствах реплику Веры Пановой, о которой упоминал выше. Причём Валентин Саввич преподносил её с щегольством и удалью мальчишки: вот, дескать, Вероника какая отважная, рискованая, сумасбродная... Пошла вопреки общественному мнению, наперекор судьбе. Не побоялась злословия, не побоялась, что не поймёт её шага сын Андрей, всего на 10 лет младше Валентина. Но при этом никогда не было сказано, даже намёка не возникло, то есть не приходило в голову, а не ошиблась ли она, не прогадала ли? Получалось, что она как взяла на себя этот тяжкий крест, так и несёт. И сейчас у неё те же трудности, что возникали на каждом шагу, когда они только-только поженились и надо было решать, где жить, на какие средства, как отбиться от его друзей-собутыльников.

Конечно, присутствовал и элемент некоей игры, и гордость за себя. У каждого своя. Она — рискнула. Он — не подкачал! Особенно удивлялся Валентин, на все лады расписывая, какой он пропащий... Но оказалось — на самом деле — вполне вменяемым и ручным, любящим и домашним. В конце концов, ничего ему и не надо, кроме листа бумаги, заправленного во флотскую (с чугунной основой для устойчивости, чтобы с места не съехала при качке) пишущую машинку, и её, Вероники, которую ему важно слышать где-то по соседству в их крошечной квартирке на улице Петра Стучки... У него есть бумага и перо; и она, любимая, — совсем рядом, на расстоянии протянутой руки, объятия, поцелуя...

ВСЕГДА РЯДОМ

Всё-таки сейчас я рассказываю о Веронике. Жили Вероника и Валентин хоть и замкнуто, но насыщенно, дружно и весело. Спасала общая цель и напряжённая работа.

Валентин Саввич по натуре был человеком открытым и удивительно добродушным, приветливым, расположенным к гостю, собеседнику. И уж если он любил, то — любил. Я это видел по его отношению к Веронике, Антонине Ильиничне, даже к Гришке, безродной дворняге, и через какое-то время ощутил на себе.

Самое поверхностное общение с хозяйками дома убеждало — здесь царят любовь и гармония. И конечно, Вероника получила с ним интересную, насыщенную жизнь и полноту счастья, которую даёт жизнь с обожаемым и любящим человеком.

У неё был муж, который её боготворил и который ею гордился, муж молодой, талантливый, необыкновенный. Подобного на свете не было и быть не могло! Она это хорошо знала.

И всё же не раз и не два я слышал от них в разных интерпретациях и обстоятельствах реплику Веры Пановой, о которой упоминал выше. Причём Валентин Саввич преподносил её с щегольством и удалью мальчишки: вот, дескать, Вероника какая отважная, рискованая, сумасбродная... Пошла вопреки общественному мнению, наперекор судьбе. Не побоялась злословия, не побоялась, что не поймёт её шага сын Андрей, всего на 10 лет младше Валентина. Но при этом никогда не было сказано, даже намёка не возникло, то есть не приходило в голову, а не ошиблась ли она, не прогадала ли? Получалось, что она как взяла на себя этот тяжкий крест, так и несёт. И сейчас у неё те же трудности, что возникали на каждом шагу, когда они только-только поженились и надо было решать, где жить, на какие средства, как отбиться от его друзей-собутыльников.

Конечно, присутствовал и элемент некоей игры, и гордость за себя. У каждого своя. Она — рискнула. Он — не подкачал! Особенно удивлялся Валентин, на все лады расписывая, какой он пропащий... Но оказалось — на самом деле — вполне вменяемым и ручным, любящим и домашним. В конце концов, ничего ему и не надо, кроме листа бумаги, заправленного во флотскую (с чугунной основой для устойчивости, чтобы с места не съехала при качке) пишущую машинку, и её, Вероники, которую ему важно слышать где-то по соседству в их крошечной квартирке на улице Петра Стучки... У него есть бумага и перо; и она, любимая, — совсем рядом, на расстоянии протянутой руки, объятия, поцелуя...

Всё-таки сейчас я рассказываю о Веронике. Жили Вероника и Валентин хоть и замкнуто, но насыщенно, дружно и весело. Спасала общая цель и напряжённая работа.

Валентин Саввич по натуре был человеком открытым и удивительно добродушным, приветливым, расположенным к гостю, собеседнику. И уж если он любил, то — любил. Я это видел по его отношению к Веронике, Антонине Ильиничне, даже к Гришке, безродной дворняге, и через какое-то время ощутил на себе.

Самое поверхностное общение с хозяйками дома убеждало — здесь царят любовь и гармония. И конечно, Вероника получила с ним интересную, насыщенную жизнь и полноту счастья, которую даёт жизнь с обожаемым и любящим человеком.

У неё был муж, который её боготворил и который ею гордился, муж молодой, талантливый, необыкновенный. Подобного на свете не было и быть не могло! Она это хорошо знала.

И всё же не раз и не два я слышал от них в разных интерпретациях и обстоятельствах реплику Веры Пановой, о которой упоминал выше. Причём Валентин Саввич преподносил её с щегольством и удалью мальчишки: вот, дескать, Вероника какая отважная, рискованая, сумасбродная... Пошла вопреки общественному мнению, наперекор судьбе. Не побоялась злословия, не побоялась, что не поймёт её шага сын Андрей, всего на 10 лет младше Валентина. Но при этом никогда не было сказано, даже намёка не возникло, то есть не приходило в голову, а не ошиблась ли она, не прогадала ли? Получалось, что она как взяла на себя этот тяжкий крест, так и несёт. И сейчас у неё те же трудности, что возникали на каждом шагу, когда они только-только поженились и надо было решать, где жить, на какие средства, как отбиться от его друзей-собутыльников.

Конечно, присутствовал и элемент некоей игры, и гордость за себя. У каждого своя. Она — рискнула. Он — не подкачал! Особенно удивлялся Валентин, на все лады расписывая, какой он пропащий... Но оказалось — на самом деле — вполне вменяемым и ручным, любящим и домашним. В конце концов, ничего ему и не надо, кроме листа бумаги, заправленного во флотскую (с чугунной основой для устойчивости, чтобы с места не съехала при качке) пишущую машинку, и её, Вероники, которую ему важно слышать где-то по соседству в их крошечной квартирке на улице Петра Стучки... У него есть бумага и перо; и она, любимая, — совсем рядом, на расстоянии протянутой руки, объятия, поцелуя...

СТАРОДАВНИЕ ВРЕМЕНА

Каждый день около 21.00 у Валентина Саввича начиналась вахта. Он уходил в кабинет, за письменный стол, и через некоторое время оттуда доносился монотонный стук пишущей ма-

шинки. Ну а мы с Вероникой Феликсовной читали, болтали, смотрели ТВ.

По утрам, пока хозяин дома спал, мы с Вероникой долили пили кофе и обсуждали всяческие проблемы. Часто она рассказывала мне про стародавние времена Прибалтики.

Она рассказывала охотно, без утайки о своём происхождении и юности. Отец Вероники — польский аристократ Феликс Павлович Гансовский — происходил из знатного и древнего рода. Но оказался человеком на редкость ветреным и легкомысленным, всё доставшееся ему состояние промотал. Под конец жизни увлёкся молодой актрисой и певицей, на которую спустил остатки наследства. Он был старше её чуть ли не в три раза. Женился и вскоре умер.

От брака остались двое младенцев — старший брат Север и она, Вероника. Ещё в 20-е годы в Ленинград приезжали из Польши гонцы, которые специально разыскивали их. Прерывался старинный род Гансовских, и поляки намеревались вывезти детей на родину отца. Из этой идеи ничего не вышло, мать не отдала детей, но в семье осталось романтическое предание о голубой крови.

В первом браке она была замужем за морским офицером Александром Чупуновым. Жили они в предвоенные годы в Риге. Когда началась Великая Отечественная, Вероника оказалась в числе тех, кто участвовал в Таллинском переходе "на дно морское", по реплике Пикюля. Корабль, на котором она находилась, в числе множества других был потоплен немцами. Она чудом уцелела, выплыла на один из островов Балтийского моря.

Когда начали формировать польские части, о ней тут же вспомнили. Вызвали из госпиталей, где она служила. Поскольку Вероника была молодой, привлекательной и грамотной женщиной, к тому же знающей польский, латышский и немецкий языки, её стали обучать в диверсионной школе. Сначала её готовили для засылки в Персию. Потом она оказалась в отряде, направляемом на одну из лесных баз в Латвии.

После войны она получила комнату в Риге, недолгое время заведовала пищевым предприятием. После очередного убийства красного директора пошла в РК партии и отказалась от работы, ссылаясь на то, что боится за свою жизнь, а у неё на руках малыши.

Позже она отправила сына Андрея на Алтай к родственникам, а в 1949 году переехала к брату в Ленинград. В 1955 году ей предложили работу на "Ленфильме" администратором.

...Однажды брат Север Гансовский, уже печатающийся прозаик, познакомил её с совсем молодым парнем, который недавно выпустил свой первый роман "Океанский патруль"...

В 1957 году она проводила сына в армию. Постепенно в письмах к нему она всё чаще стала упоминать Валентина: хороший, добрый, меня очень любит... 23 марта 1958 года они, Валентин и Вероника, поженились.

После каждого романа они "разводились". Почему? Пикюль любил говорить, что процесс разработки материала, узнавания для него гораздо важнее, плодотворнее и интересней, чем писанина.

— Я каждый раз буквально тащу себя за волосы к письменному столу, — признавался прозаик. Писал он быстро, и вот этот первичный материал, пока ещё "протороман", попадал на строее чтение к Веронике.

Слешу сразу сказать, что она сама непосредственно никоим образом в написании книг не участвовала. Ну, может, по его просьбе сходит в библиотеку, закажет и принесёт нужные книги... Она даже не переписала на машинке ни одной его страницы. Всё это он делал сам. Каждая его рукопись в буквальном смысле авторская.

Но у Вероники Феликсовны был тонкий литературный вкус, привитый постоянным чтением, как классики, так и беллетристики. А ещё у неё было самолюбие. Она страстно желала, чтобы он, её муж, не имел равных среди исторических романистов. И она, не щадя самолюбия, долбила его. Как и любой автор, Пикюль был крайне ранимым. Критику и даже, казалось бы, разумные доводы он почти не принимал. Приведу только два примера. Одну из глав первого тома "Слова и дела" он заканчивал историей про Крякунто. Общеизвестно, что это — историческая мистификация. Я привёз все материалы, подтверждающие это. Он с интересом посмотрел, согласился и... оставил текст без изменений.

Другой случай. В исторической миниатюре об Авакуме он пишет, как хорошо было бы найти рукописные книги опального протопопа. Я ему

привёз издание В.И. Малышева, который нашёл у рижского старовера Ивана Заволоко (которого, кстати, Валентин Саввич знал лично и чрезвычайно ценил) в дополнение к открытым спискам Авакума ещё один и опубликовал его. Надо было и всего-то в тексте чуть-чуть подправить... Он и в этом случае оставил текст без изменений; и получается, по Пикюлю, что ни один автограф Авакума до сих пор не известен.

Итак, критика Пикюля позволяла только Веронике. Но и ей приходилось несладко. Это были тяжёлые дни для обоих. Шло полномасштабное пикюлевское побоище. Пока была здорова, пока силы не оставили её, она выстаивала сражение и добивалась своего, заставляла Валентина перерабатывать рукопись, улучшать текст.

Вот почему такого внимания и уважения заслуживает эта женщина. Она жизнь отдала тому, чтобы помочь Валентину Пикюлю состояться как писателю, и преуспела в этом. Она пошла на огромный риск, пожертвовала отношениями с сыном и всем, всем, всем. Выстояла и победила.

Только сам Валентин Саввич понимал, как ему необходима Вероника; не только как жена, хозяйка, возлюбленная. Ему нужна была уда. И он нуждался в постоянном взаимодействии, диалоге с кем-то рядом... У него был этот самоотверженный друг, который давно стал неделимой частью их мифа, известного всем нам под именем Валентин Пикюль.

Что она такое делала? Не знаю. Но вот что-то умела и делала, что знал и умел ценить только он один; что помогало его трудному плаванию по бурным волнам российской словесности. Нет, она не просто сумела организовать его жизнь... Однажды я приехал в Ригу, чтобы сделать первое с Валентином Пикюлем телевизионное интервью для Ленинградского ТВ.

На правах друга дома еду сразу к ним. Поднимаюсь. Меня встречает совершенно неподвижный Валентин Саввич и говорит, что Веронике Феликсовну забрали в больницу. Принялся меня кормить с дороги и тут же говорит:

— Как хорошо, что ты, Юрий, здесь; поддержишь меня в такую тяжёлую минуту. Но только киношных твоих надо назад отправлять, какие тут съёмки. Погорюем с тобой, воспоем... Раздаётся телефонный звонок, он кидается к трубе:

— Что, как? — Понимаю, это звонит Вероника. Напряжение спало. Мне делает жестом знак, что это она. — Да, уже разместил и кормлю. Дать его? Сейчас.

Я здороваюсь, спрашиваю о здоровье. Голос у Вероники Феликсовны вроде бодрый, говорит, что у неё всё хорошо... Спрашиваю, все ли приехали из группы и где разместились.

Отвечаю ей:

— Пока не знаю, что будем делать. Валентин Саввич говорит...

Она меня прерывает на полуслове:

— Передайте трубочку Вале.

Отдаю, и что я вижу?! Пикюль меняется на глазах.

— Да! Да! Есть! Понял. Естественно. Буду держаться в курсе. Прямо с ходу начинаем. — Он вешает трубку и поворачивается ко мне с совершенно переменившимся, деловым лицом: — Ну, ЮраАлексевич, попил-поел? Так, голубчик, звони и узнавай, где ребята. Надо работать.

Это была поразительная метаморфоза! Я увидел воочию — влияние Вероники было безграничным.

В самом деле — они бесподобно дополняли друг друга, это был чудный дуэт двух неповторимых индивидуальностей. Всё в этой паре, в Валентине и Веронике, было необычно, единственно в своём роде и неподражаемо. Таких людей теперь не сыскать. А чтобы ты, читатель, это богатство двух натур по-настоящему оценил, напрягись немного и представь, как бы всё это тебе рассказал легко, щедро и размашисто сам Валентин Пикюль!

Юрий РОСТОВЦЕВ

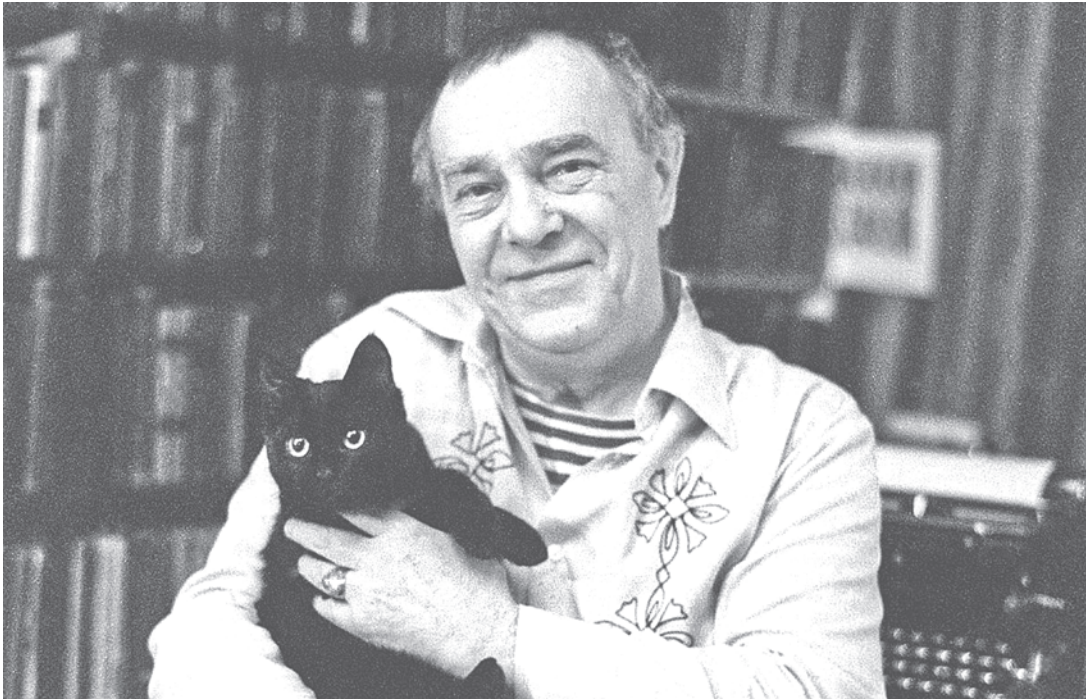
Фотографии из архива автора

Валентин Пикюль в победном 1945-м

Вероника, первая жена писателя

В рабочем кабинете с любимым котом

Со второй женой Антониной Ильиничной

Подписной индекс газеты "ЗАВТРА" — 32525 в Объединённом каталоге «Пресса России»

Газета "ЗАВТРА" зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-22122 от 24 октября 2005 года.

Учредитель и издатель — ООО "Редакция газеты-еженедельника "Завтра" (119146, г.Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII).

Тел. редакции: (916) 502-49-86.

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII.

E-mail: zavtra@zavtra.ru Электронная версия: <http://zavtra.ru/>

Служба распространения: (499) 246-88-52 (т./ф). Служба рекламы: (903) 131-53-97.

Отпечатано в АО "Красная Звезда" (125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, <http://www.redstarprint.ru>, e-mail: kr_zvezda@mail.ru).

Тираж 22 050

Заказ № 3133-2020

Дата выхода в свет — 15.07.2020 г. Подписано в печать 14.07.2020 г. в 15.00, по графику — в 15.00